

ТРЕТИЙ РИМ

95

Среди 800 “ответственных квартиросъемщиков” высотного дома на Котельнической набережной светили две звезды первой величины. Одна — на всю страну, другая — на весь мир. То были Фаина Раневская и Галина Уланова.

Где рождаются гении? В самом неожиданном месте и не обязательно в бедности. В доме миллионера Григория Фельдмана выросла дочь Фаина, отказавшаяся от фамилии отца и его отчества. На Пасху семья ходила в церковь. Летом ездила в Швейцарию. Дочь внимала Максиму Горькому, призывавшему бурю, верила, как герои Чехова, что наступит новая красивая жизнь. А в старости часто вспоминала, **“как рано утром в спальню к ней вошла горничная, вся в крахмале, и говорила: “Барышня, чай по-дан”**”. В родном доме, с гувернанткой и бонной, ей было душно. Когда на собствен-

ном корабле “Святой Николай” отец с семьей, чтобы не погибнуть, уплыл из революционной России, она осталась на берегу. Но когда **“увидела лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности”**.

Ордер в двухкомнатную квартиру с окнами во двор в высотном доме получила в числе первых новоселов. Въехала сюда дважды лауреатом Сталинской премии. Со стороны казалось — квартиру лучше не придумашь. Но она жаловалась: **“Живу в грязном дворе, грохот от ящиков, грязь”**. По утрам в булочной под окнами грузчики разгружали хлеб в деревянных лотках. На первом этаже открылся кинотеатр “Иллюзион”, что дало Раневской повод сослаться: **“Живу над хлебом и зрелищем”**.

В ее подъезде поселился “отец” “Василия Теркина” Александр Твардовский. Встречаясь у лифта, почтительно кланялся: “Здравствуйте, моя великая соседка”. Другой сосед, Никита Богословский, здоровался иначе: “Привет, старуха!”, что вызывало у Твардовского ярость и желание избить шутника. Старух играла с 22 лет. Раневская читла Твардовского из-за литературного снобизма. Он, когда шел к “великой соседке” в гости, надевал новый костюм, чем смешил жену. Однажды ранним утром Твардовский попросил открыть ему дверь. Она его накормила завтраком, который навел его на мысль: **“Почему у друзей все вкуснее, чем дома?”**. Увидев на стене портрет Ахматовой, будучи абсолютно трезвым, изрек: **“Вот наследница Ахматовой”**.

В квартире Фаины собирали в дальнюю дорогу Анну Ахматову, которой не в чем было ехать за премией в Италию. Дали ей подружки сумку, кофту и платок. К Раневской приходил Владимир Высоцкий, чем она гордилась: **“Он был у меня. Он — личность”**.

Из высотного дома через двадцать лет Раневская с радостью перебралась в новый дом в Большом Палашевском переулке, где теперь установлена ее мемориальная доска. А первую в Москве “комнатушку” получила она еще до войны, в Старопименовском переулке. После эвакуации вернулась в переулок. Окно упиралось в стену соседнего дома — днем комната освещалась лампочкой. Гостям говорила: **“Живу как Диоген. Днем с огнем”**. Без телефона.

К тому времени Раневская сроднилась с Москвой, куда приехала неприкаянной провинциальной девицей, презившей о сцене.

На Петровке у колонн Большого театра мерзла, чтобы увидеть Екатерину Гельцер. Отзывчивая на чужое горе великая актриса устроила провинциалку в летний дачный театр в Малаховке. Раневская много лет выступала в провинции, наезжая в Москву, чтобы получить ангажемент. В один из таких приездов, в Столешниковом переулке, разглядывая витрины, услышала голос Василия Качалова. От счастья упала в обморок и ушиблась. В самого известного актера Художественного театра заочно влюбилась, собирала его открытки, писала кумиру безответные письма. Качалов с того дня привязался к Фаине, ввел в свой круг.

В Леонтьевском переулке увидела однажды проезжавшего в пролетке Станиславского, чья игра, а не постановки, сводила ее с ума. Погналась за ним с криком: **“Мальчик, мальчик мой дорогой!”**. Гений театра расхохотался. Не каждому актеру удавалось так развеселить режиссера, не устававшего повторять на репетициях: “Не верю!”.

В Москве у Фаины зародилась **“первая любовь”**. Но, по ее словам, **“в общем и целом, это мероприятие мне крайне не понравилось”**. После войны случайно встретилась с тем, кто казался ей “прелестью”, и увидела шамкающего старика со вставной челюстью.

Раневская любила ходить по Тверскому бульвару, где гулял Пушкин. На ночь читала обожаемого Пушкина, разговаривала с ним, как Маяковский с Лениным. Засыпала — и ей снился Пушкин: **“Он идет с тростью по Тверскому бульвару. Я бегу к нему, кричу. Он остановился, посмотрел, поклонился и сказал: “Оставь меня, старая б... Как ты надоела мне со своей любовью”**”.

На Тверском бульваре, 23, где сейчас Театр имени Пушкина, играла в Камерном театре у великого Таирова. На той сцене прославилась. И ушла в другой театр. Надолго задержалась в театре у Юрия Завадского, от кого уходила и к кому возвращалась. **“Я не терплю по мессе в борделе”**, — высказалась она по поводу выступлений бывшего режиссера перед труппой. — **“Знаете, что снится Завадскому? Что он умер и похоронен в Кремлевской стене!”**

Как все театральные актеры в XX веке,

Жизнь “над хлебом и зрелищем”

пыталась сняться в кино, но из студии ей вернули присланные на пробу фотографии и просили больше не беспокоить. Вскоре после спектакля к ней подошел начинающий режиссер Михаил Ромм. Она бросилась ему на шею, услышав приглашение сняться. Сыграла в “Пышке” эпизод и главную роль в “Мечте”, которая шла с триумфом во многих странах мира.

Президент Рузвельт назвал Раневскую актрисой века.

Драйзер после показа “Мечты” в Белье доме вышел из запоя.

Чарли Чаплин снял котелок.

Сталин сравнил ее с Чарли Чаплином.

Шостакович восхищался талантом.

Вера Марецкая назвала “глыбой”.

Головокружительная слава пришла после “Подкидыша” в 1940 году. Там прозвучала придуманная ею фраза: **“Муля, не нервничай меня!”**. Кто видел картину, запомнил эти слова навсегда. Их повторяли уборщицы и наркомы. Полетели на крыльях другие придуманные Раневской слова: **“Я никогда не была красива, но всегда была чертовски хороша”**. В театр, где играла зачастую маленькие роли, ходили на Раневскую. Сыгранные в кино эпизоды все помнят, забыв главных действующих лиц.

Леонид Брежнев, вручая Фаине Георгиев орден в Кремле, произнес: **“Муля, не нервничай меня”**, за что народная артистка СССР его храбро отчитала: **“Леонид Ильич, так то мне обещают хулиганы и домработницы”**.

— Простите, но я вас очень люблю, — ответил обескураженный Генеральный секретарь и глотал висударства.

Его портрет висел над кроватью актрисы, что удивляло гостей, думавших, что это очередной прикол неистощимой на выдумки Фаины Георгиевны. Но она вполне серьезно говорила: **“Он добрый. Вам будет хуже, когда он умрет”**.

Её лечили в лучших клиниках Москвы. Что не мешало сослаться: **“Кремлевская больница — кошмар со всеми удобствами”**.

Раневская на год пережила Брежнева. Пророчество ее для многих сбылось.

Гением при жизни называли другую обитательницу высотного дома, Галину Сергеевну Уланову. В Москву она переехала из Ленинграда знаменитой балериной. Там ее до войны увидел Клим Ворошилов, “луганский слесарь, боевой нарком”. Танец Улановой вождя Красной Армии взволновал — он захотел показать балет с ее участием другу Сталину. Что и произошло летом 1935 года. Мариинский театр, получивший после убийства хозяина Смольного Кирова его имя, выступил с колоссальным успехом в Большом театре. Сталин увидел Уланову в роли Дианы. По ходу действия героиня целилась из лука в сторону боковой ложи, где сидел вождь. Уланова испугалась. Но все обошлось — Сталин пригласил труппу на прием в Кремль. А после банкета предложил 25-летней Галине пройти в кинозал, где гостя оказалась рядом с небожителем Кремля.

Ее спрашивали, не было ли ей страшно.

— Да нет, просто неловко чувствовала себя рядом — это же такая величина была. А страшно стало после его смерти, когда мы узнали, что делалось в те годы.

Сталин давал оценку балерине в трех словах:

— Уланова — это классика.

Классику, как известно, вождь ставил превыше всего в искусстве. Четыре раза присуждал Галине Сергеевне Ста-

линскую премию. Жизнь Улановой делится на два периода: ленинградский, 34 года, и московский, 50 лет с лишним. В Питере родилась в семье танцоров, в семнадцать лет вышла замуж за учителя игры на фортепиано Исаака Милейковского, преподававшего в хореографическом училище. Ни в церковь, ни в загс по моде тех лет молодые не пошли — и вскоре разошлись.

Уланова танцевала Комсомолку в балете Шостаковича “Золотой век”. В комсомол и партию не вступала. Носила заслуженный за меткую стрельбу значок “Ворошиловского стрелка”, ездила на трамвае, ходила на занятия по ПВО. В толпе ничем не выделялась — ни лицом, ни длинными ногами. На сцене превращалась в богиню. Для Улановой Сергей Прокофьев написал “Ромео и Джульетту”. Для ее театра сочинили балеты “Красный мак”, “Пламя Парижа”, “Утраченные иллюзии” — на сюжеты, не похожие на те, которые вдохновляли Чайковского...

Подруга чистых дум и юношеских лет, Ведь наша дружба родилась за партией. Пройдут века, а ты оставишь след, Как музыка бессмертного Моцарта.

Это стихи не поклонницы, а прекрасной балерины Татьяны Вечесловой, увидевшей в танце подруги genialность, свойственную Моцарту. В русском искусстве Уланову ставят рядом с Шаляпиным и Станиславским.

Спустя десять лет после первого замужества Галина познакомилась с Юрием Завадским, который был старше ее на шестнадцать лет. Сверстники со времен училища ее не интересовали. Этот известный актер и режиссер в молодости считался самым привлекательным мужчиной Москвы. **“Отец красив до умопомрачения”** — писал о нем с сарказмом сын от брака с Верой Марецкой.

Завадского страстно любила Марина Цветаева, называя его **“памятнейшим из всех”**. О нем вспоминала так:

...Рот как мед, в очах доверье, Но уже взлетает бровь, Не любовь, а лицемерье, Лицедейство — не любовь.

С “лицедем” Уланова пошла в загс. **“Я официально ни за кем замужем не была. Были отношения, но единственной была запись — с Юрием Александровичем”**. Завадский любил Галину Сергеевну до последнего вздоха.

Жили они во время войны подолгу в разных городах. И всегда — на разных квартирах. В суровом советском суде их могли бы развести без особых проблем, так как детей у них не было, “совместного хозяйства” они не вели. Муж обитал с мамой на улице Горького. К жене приходил в гости. Судя по всему, развод и не состоялся, чтобы не попасть в газеты, где по закону военных лет о каждом предстоящем разрыве семейных уз полагалось дать платное объявление.

Переезд Улановой в Москву был предопределен политикой партии в области искусства. Лучшим режиссерам, певцам и балеринам полагалось служить на сцене Большого театра. Его посещения входило в протокол визитов на высшем уровне.

Очередь Улановой настала в конце войны. **“Я коренная петербуржка и Петербург знаю прекрасно. И никогда бы в Москву не переехала, да так власти распорядились, чуть ли не решение ЦК было по этому вопросу”**. Пришлось перевозить мебель родителей и мамы подушечки, “думочки”. Москва не произвела впечатления. Москва-река вызвала усмешку: **“Боже, это что, Крюков канал?”**.

Уланову называли **“великой немой”**. Но без ее слов вся театральная Москва знала об ее романах. Иван Николаевич Берснев родился раньше ее на 21 год, что, как и в предыдущем союзе с Завадским, не играло особой роли. С Берсневым жила душа в душу на Новослободской улице до смерти режиссера, основателя Театра имени Ленинского комсомола — “Ленкома”.

Одинокую Уланову вручили ключи от трехкомнатной квартиры в новом доме на Котельнической набережной в 1952 году. К тому времени она прославилась на весь мир. Ей рукоплескали Вена, Париж, Рим, Лондон, она покорила Америку...

В конце карьеры балерины сблизилась с Вадимом Рындиным, главным художником Большого театра. В отличие от Завадского и Берснева этот народный артист СССР красавцем не слыл, но, как пишут, **“недостаток волос его ничуть не портил”**.

За долгую жизнь Уланова похоронила многих родных и близких, но никогда так не страдала, как когда умерла Татьяна Агафонова. **“Почти год кружилась голова, падала. Это все Татьянина смерть”**. Кто такая Татьяна?

Ее знали все профессиональные журналисты Москвы, те, кто читал “Комсомольскую правду” в 60—70-е годы. Она была звездой самой популярной тогда газеты, где героизмовала не “дрянная девчонка”, а Татьяна Агафонова. Мне она казалась похожей на Ларису Рейснер, лихую и яркую советскую журналистку, послужившую прототипом Комиссара в “Оптимистической трагедии”. Мы с Агафоновой провели вечер памяти Ларисы. А потом состоялся персональный вечер Тани в Центральном доме журналиста. Ей было о чем рассказать. По следам жен декабристов она отправлялась в Сибирь, искала таинственную Мангазею. Говорили об Агафоновой полярники, летчики, моряки, с кем она бывала в дальних перелетах и походах. Вдруг в переполненный зал вошла в манти Уланова. И неожиданно для меня, ведущего, попросила слово. Что сказала тогда — не помню.

Помню, вскоре угадала Агафоновой в газете. На телевидении вышел ее фильм “Мир Улановой”. И с ТВ она ушла в этот необъятный мир, пораженная genialностью и хрупкостью Галины Сергеевны. Агафонова совершила свой главный подвиг: поставила крест на карьере и бросила ее к ногам подруги. Самые лучшие прижизненные публикации о ней делала Агафонова. Но их очень мало за двадцать с лишним лет дружбы и верной службы, которую в наши дни называют “связями с общественностью”. Брали интервью подруги Агафоновой, журналисты, которых она ввела в дом. Чтобы быть ближе к Улановой, Таня свою квартиру и квартиру мамы поменяла на одну — в высотном доме. А когда мама умерла, произвела второй обмен, в результате чего она и Галина Сергеевна перебрались в четырехкомнатную квартиру.

Из нее Татьяна ушла в больницу с диагнозом “рак” — и не вернулась. **“Она была мне помощницей, другом, дочкой, — призналась Галина Сергеевна, похоронив Таню. — Я как будто ребенка потеряла. Но мне еще в юности родители сказали: “Галя, ты ни в коем случае никогда не должна иметь детей. Либо сцена, либо дети”**”.

...Опустевшая квартира Улановой и Агафоновой будет музею. Большого театра от музея отказался. Ему не до Галины Сергеевны. Мемориальной доски на доме нет, а кому, как не ей, выражать самые почетные знаки внимания...

Лев КОЛОДНЫЙ.